

УДК 94(100)»1914/1918»

А.И. Сыч

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье рассматриваются цивилизационные аспекты происхождения и последствий Первой мировой войны, а также её роль в трансформации основ европейской цивилизации в XX веке.

Ключевые слова: Первая мировая война, цивилизационный кризис европейского общества, последствия войны, кризис парламентаризма и либерализма, упадок европоцентризма.

A.I. Sych

THE CIVILIZATIONAL DIMENSION OF WORLD WAR I

The article deals with the civilizational aspects of World War I origins and its aftermath as well as its role in the transformation of the foundations of the European civilization in the twentieth century.

Key words: World War I, the civilizational crisis of the European society, war aftermath, the crisis of parliamentarism and liberalism, the decline of Eurocentrism.

Мировая война 1914–1918 гг. началась в лоне европейской цивилизации, будучи, по выражению одного из её современных исследователей, «междоусобной войной цивилизованных наций» [3, с. 643]. Следует подчеркнуть, что она разразилась в то время, когда всё явственнее проявлялись признаки постоянно усиливающегося системного кризиса, охватившего все важнейшие институты и сферы жизни её важнейшего сегмента, а именно западного индустриального общества.

Переход на индустриальную стадию развития был, с одной стороны, выдающимся достижением западной цивилизации, позволившим ей возглавить общественный прогресс в масштабах всей планеты, что и обеспечило ей фактически мировое господство, но, с другой стороны, породил опасные для неё явления и процессы. К последним можно отнести постоянно углубляющуюся имущественную и социально-классовую дифференциацию, порождавшую социально-политическое неравенство, а потому неизбежно обострявшее социальные противоречия и конфликты; превращение национализма, утратившего свой прогрессивный потенциал и демократическую основу, в реакционный феномен;

разрушительную роль индустриализма и порождённого им технократизма и некоторые другие. Все эти процессы и явления начали разрушать фундаментальные гуманистические ценности и духовную основу западного общества, угрожая ему разрушением или перерождением. Мировая война довела этот системный кризис до опасной черты, фактически поставив в повестку дня вопрос о дальнейшей судьбе западной цивилизации, которая, как тогда казалось многим интеллектуалам, приблизилась к своей гибели.

Одним из первых ощутил катастрофичность начавшего катаклизма известный французский писатель и общественный деятель Ромен Роллан, который уже в начале августа 1914 г. сделал такую дневниковую запись: «Я опустошён. Хотелось бы умереть. Это ужасно – жить среди этого безумного человечества и бессильно наблюдать разрушение цивилизации. Эта европейская война – самая страшная историческая катастрофа за последние столетия, это крах наших самых святых надежд на человеческое братство» [12, с. 36].

Вызванные войною потрясения воспринимались как своего рода смертный приговор западному миру и прежде всего

Европе, где она началась. Так, Арнольду Тойнби, который был современником войны, она представлялась опытом самоуничтожения Запада. Впрочем, не только ему. Вспомним хотя бы характерные названия книг, появившихся в те годы и оказавшихся в центре общественного внимания: «Трагедия Европы» и «Вырождение Европы» известного политического и общественного деятеля Франческо Нитти, ставшего в июне 1919 г. премьер-министром Италии, или книгу немецкого философа Освальда Шпенглера «Закат Европы», имевшую сенсационный успех. Ощущение тупика, упадка и даже неминуемой гибели цивилизации стали характерной чертой общественного сознания западного общества после Первой мировой. Именно такие настроения сделали популярными произведения Ф. Ницше, который ещё раньше пророчески предсказывал, что западная цивилизация утратила свою творческую силу. Известный писатель Герберт Уэллс образно охарактеризовал состояние послевоенного общества такими словами: «Мир западноевропейских цивилизаций в первые годы после окончания мировой войны напоминал человека, которому очень небрежно сделали жизненно важную хирургическую операцию и который ещё точно не знает, будет он жить или вскоре свалится и умрёт. Это был потрясённый и ошеломлённый мир» [8, с. 884].

Неслучайно также, что именно в то время появились силы (прежде всего фашизм и коммунизм), открыто бросающие вызов существующей общественной системе, отрицавшие либерально-капиталистические ценности и предлагавшие альтернативы западному пути развития, что, в свою очередь, объясняет, почему в период между двумя мировыми войнами «основным содержанием европейской политики сделались попытки слабеющей либеральной демократии выдержать двойственный натиск фашизма и коммунизма» [3, с. 651]. Такая ситуация политико-идеологического противостояния была особенно опасна в обстановке глубокого разочарования, душевной опустошённости и предчувствия новой ката-

строфы. Тот же Шпенглер несколько позже так охарактеризовал послевоенное состояние европейского общества: «Глубокое потрясение большой войной, вырвавшей мир из усыпляющих иллюзий безопасности и прогресса как смысла истории, отчётливее всего обнаруживается в том душевном хаосе, который оставила война. В этом хаосе никто не может разобраться...» [10, с. 177].

Как известно, наиболее общими причинами Первой мировой войны принято считать борьбу имперских амбиций; экономическое соперничество между великими державами; рост милитаризма и национализма; противостояние военно-политических блоков, которые разделили народы Европы на враждебные лагеря; стремление правящих кругов воспользоваться войной, чтобы остановить опасное для них усиление социальной напряжённости в своих странах. Между тем цивилизационная парадигма изучения войны 1914–1918 гг. позволяет рассматривать её не только как борьбу объединённых в военно-политические блоки государств, стремившихся разрешить таким способом возникшие между ними территориальные, колониальные, экономические противоречия, но и как столкновение двух моделей развития европейского общества, дальнейшее сосуществование которых в рамках одной цивилизационной системы оказалось невозможным. Первая модель, которую можно назвать западноевропейской (или либерально-демократической), была представлена Францией, Великобританией и США, вторая – центрально-европейская (или военно-авторитарная, консервативно-монархическая) – Германией и Австро-Венгрией. Фактически этот исторический спор – в несколько преобразованном виде – продолжился и в годы Второй мировой войны.

Таким образом, война, как представляется, была одновременно и порождением, и отражением глобального кризиса западной цивилизации, который стал реальностью на рубеже XIX–XX вв. Более того, сама война, её результаты и последствия представляли собой глубокий цивилизационный

кризис европейского общества. Его ощущали и простые люди, и интеллектуалы. «Мы видим в каждой стране распад, ослабление внутренних уз, вызов основным принципам, упадок веры, ослабление надежд на теструктуры, от которых в конечном итоге зависит существование цивилизованного общества» [7, с. 178], – писал Уинстон Черчилль. А вот мнение известного немецкого писателя и мыслителя Эрнста Юнгера, участника Первой мировой: «Обдумываю, почему чувствовал себя после Первой мировой войны более растерянным, ослабленным, морально раздавленным, чем после Второй, хотя катастрофа последней была в сотни раз более ужасной. Наверно потому, что Первая взорвала наши самые глубокие начала, самый фундамент нашего тогдашнего бытия» [11, s. 51]. Немецкий журналист Оскар Ференбах, много лет возглавлявший влиятельную газету «Штутгартер Цайтунг», свидетельствует: «Было даже ощущение, что причинённые ею раны никогда не заживут до конца. Почему? Да потому, что эта война не только отняла жизни миллионов людей, но и до основания разрушила государственные, общественные и политические структуры, а также основательно подорвала моральные устои» [9, с. 35]. Война, несомненно, была огромным потрясением для европейской морали [14, р. 308].

Первая мировая война в корне отличалась от всех предыдущих войн, причём не только невиданными масштабами, ожесточённостью военных действий, миллионными жертвами, но и своими последствиями, которые не ограничились обычными по окончании войн территориальными переделами, изменением границ, выплатой контрибуций и т. п. Итоги и последствия Первой мировой войны оказались чрезвычайно глубокими и далеко идущими, отразившимися практически на всех сторонах жизни западного общества. Остановимся только на тех из них, воздействие которых на базовые характеристики западного общества проявилось особенно рельефно и имело для него особое значение.

Во время войны в воюющих странах значительно сузилась сфера действия рыночных отношений и невиданных размеров достигло вмешательство государства в сферу производства и распределения, которое часто сопровождалось мерами внеэкономического принуждения. Следствием резкого возрастания роли государства в жизни общества стало разбухание государственного аппарата, многократное увеличение числа чиновников, управленцев, служащих, что, в свою очередь, чрезвычайно усилило их влияние на разработку и реализацию государственной политики. Такую смену роли государства в лице правительства и бюрократического аппарата некоторые историки не без оснований называли «административной революцией» [4, с. 13–15].

Вмешательство государства в экономический процесс и сферу социальных отношений поставило под сомнение утвердившиеся в западном обществе принципы либерализма и буржуазной политической экономии. Вместе с тем государственное управление экономикой, элементы планирования, распределения ресурсов и т. п. имели для правящих классов и побочный эффект, а именно: заметно усилили привлекательность социалистических идей, которые декларируют – в теоретическом плане – подобные принципы и раньше. Кроме того, длительная и жестокая война потребовала создания более эффективного механизма принятия государственных решений и оперативного руководства военно-политическими операциями, чем это могла обеспечить довоенная парламентская система. Поэтому одним из важнейших политических последствий войны стал кризис парламентаризма и либерализма как доктрины и политической практики. Он углублялся также из-за того, что большинство населения воюющих стран, возмущённое огромными жертвами и резким ухудшением своего материального положения во время войны, не без оснований ассоциировала их с теми политическими силами и институтами, которые несли ответственность за развязывание войны. К тому же позиции конституционно-представитель-

ных органов ослабли вследствие расширения полномочий исполнительной власти в лице правительств воюющих стран, которая всё чаще стремилась выступать от имени всего государства. Как известно, во время войны в воюющих государствах было сильно ограничено или вообще свёрнуто функционирование демократических институтов и норм, что, в свою очередь, создавало условия для появления такого феномена, как тоталитаризм.

Глубокое разочарование в традиционных – умеренных и элитарных по своей природе – институтах власти и формах конституционного правления классического либерального образца побуждало людей прибегать к прямым действиям, требовать прямой демократии, рождало стремление к созданию органов прямого народовластия. Эти настроения подпитывались и порождённым мировой войной потенциалом озлобленности, и психологической готовностью немалого числа людей к разрешению возникших перед обществом проблем посредством радикальных методов, вплоть до насильственных [6, с. 109–113]. Об этом с тревогой писал уже упоминавшийся Ф. Нитти: «Микробы ненависти, которые отравили всю европейскую жизнь, понизили культурный уровень молодого поколения и отвлекли его энергию с пути творческих мыслей и стремлений. Ещё немного лет тому назад у молодёжи были благородные идеалы, теперь почти в каждой стране она проповедует идеалы насилия. Подростающее поколение, воспитанное войной, преклоняется больше перед насилием, чем перед справедливостью. Среди миллионов погибших на войне были те, которые жили великими идеалами. Они верили, что сражаются за цивилизацию, они не знали и не могли предвидеть, что Европу наводнит дух варварства» [2, с. 139–140].

В результате либерально-демократические институты западной цивилизации стали мишенью для ожесточённых атак как справа (фашизм), так и слева (коммунизм). И хотя коммунисты и фашисты не менее яростно боролись друг с другом, всё же

подлинная ненависть последних, по словам Осборна, «предназначалась либерально-демократическому парламентаризму – общественному строю, который, по их мнению, позволил слабым повелевать сильными» [3, с. 666]. Поэтому период между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.) стал временем не просто кризиса, но и почти повсеместного краха конституционного либерализма. До конца этого периода представительные собрания (парламенты) были распущены или лишены реальных полномочий в 17 из 27 европейских стран, и ещё пять прекратили существование в ходе начавшейся Второй мировой войны [3, с. 662]. Процесс разрушения западной цивилизации в межвоенное время происходил такими темпами, что от неё остались только отдельные островки – Великобритания, США, Канада, а общее число демократических стран в мире сократилось с 33-х в начале 1920-х гг. до 11-ти в начале 1940-х гг.

Обострившийся в результате войны кризис парламентаризма и либерализма происходил на фоне политической социализации широких слоёв населения, а расширение электората (в том числе за счёт предоставления избирательного права женщинам) стало заметно влиять на содержание и ход политической жизни. Война усилила процессы внутренней миграции и социальной мобильности населения, резко ослабила сословные различия, обусловила появление значительных маргинальных социальных групп, которые стали играть заметную и далеко неоднозначную роль в формировании политической атмосферы и морального состояния послевоенного общества.

Большие и неоднозначные изменения произошли в общественной морали, в настроениях и поведении людей [5, с. 62–70]. Ф. Нитти оценивал их однозначно негативно, когда писал, что «Европа не только лишена моральных устоев, но настолько далеко отброшена назад от Европы, каковой она была сто лет назад..., что не можешь даже понять, как стало возможно такое вырождение.... Европа сделала шаг назад на пути цивилизации» [2, с. 15]. Не углубляясь

в анализ проблемы: чего было больше в этих изменениях – позитивного или негативного, констатируем лишь очевидный факт – морально-этические установки западного общества разительно отличались от таковых в довоенное время.

Война привела не только к невиданным человеческим жертвам и страданиям и огромным материальным потерям, но и разрушила одну из главных интеллектуальных основ, на которых, как считалось, зиждилась западная цивилизация на протяжении предшествующих четырёх столетий истории, – веру в могущество человеческого разума и основанную на ней веру в прогресс. После войны ощущение безысходности и даже отчаяния заменили наивную веру людей в дальнейший прогресс западной цивилизации. «Преобладающим ощущением межвоенных лет, выразившимся в большинстве значимых произведений культуры, было ощущение утраты системы координат» [3, с. 658–659], – справедливо заметил Роджер Осборн, автор интересного исследования, посвящённого западной цивилизации.

Среди многочисленных геополитических изменений, вызванных войной, одним из наиболее важных стал начавшийся упадок ведущей роли собственно европейской (которая была ядром западной) цивилизации, что стало явлением, безусловно, эпохального значения. Это резко ослабило позиции европоцентризма, определявшего направление цивилизационной эволюции мира в предыдущие несколько веков. Тот же Р. Осборн пишет: «Первая мировая положила конец вере европейских наций в своё богоданное превосходство и «естественный» прогресс; также она показала безосновательность присвоения ими морального права повелевать другими...» [3, с. 643]. Известный британский историк Джон Киган сформулировал этот тезис в нескольких сло-

вах: «Европа перестала существовать как центр мировой цивилизации» [1, с. 551].

После войны отмеченные явления в основном сохранились, что свидетельствовало об их не временном, порождённом чрезвычайными обстоятельствами, т. е. мировой войной, характере, а о закономерном, объективно обусловленном происхождении.

Итоги и последствия Первой мировой войны обусловили глубинные изменения фактически во всех компонентах тогдашнего общества и определили главные тенденции его развития, по крайней мере, в первой половине XX ст. Автор популярной книги по истории западной цивилизации Дж. Шпильфогель писал: «Первая мировая война была определяющим событием XX столетия. Она разрушила довоенный экономический, социальный и политический строй Европы, в то время как её сомнительные результаты подготовили путь для ещё более разрушительной войны» [13, р. 886]. А известный американский дипломат Джордж Кеннан в своих мемуарах вообще пришёл к выводу, что в контексте XX века Первую мировую вообще «нужно рассматривать, как рассматривают её многие думающие люди – в качестве «зародышевой» катастрофы этого столетия, которое в итоге привело западную цивилизацию к упадку» [9, с. 40].

И последний существенный момент. Первая мировая война и её последствия инициировали процессы, которые привели в середине XX века к существенной, а в ряде аспектов и сущностной трансформации западного общества (и капитализма как его социально-экономической составляющей). Всё это даёт основания рассматривать войну 1914–1918 гг. не просто как ещё невиданную до этого в истории, действительно мировую войну, но и как феномен цивилизационного значения.

Литература

1. Киган Д. Первая мировая война. – М.: АСТ, 2002.
2. Нитти Ф. Выходение Европы. – Москва-Петроград: Издательство Л.Д. Френкель, 1923.
3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / пер. с англ. – М. Колопотина. – М.: АСТ: Хранитель, 2008.

4. Сич О. Історія західного суспільства в міжвоєнний період (1919–1939 рр.): Навчальний посібник. – Чернівці: Наші книги, 2008.
5. Сич О.І. На зламі двох епох (до питання про зміни в суспільній свідомості після Першої світової війни) // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтва. – 2001. – № 4.
6. Сыч А. И. О некоторых социально-психологических последствиях первой мировой войны // Вопросы истории. – 2001. – № 11–12.
7. Уткин Ан. Уинстон Черчилль. – М.: Эксмо, 2002.
8. Уэлс Г. Очерки истории цивилизации. – М.: Эксмо, 2004.
9. Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. – М.: Аграф, 2001.
10. Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
11. Kałużyński Z. Jak zaczął się wiek XX // Polityka. – № 15. – 1999. – 15 kwietnia.
12. Rolland R. Das Gewissen Europas. Tagebuch der Kriegsjahre 1914–1919. Aufzeichnungen und Dokumente zur Moralgeschichte Europas in jener Zeit. Band I. Juli 1914 bis November 1915. – Berlin, 1983.
13. Spielvogel J. J. Western Civilization. – Vol. 2. Since 1600. 3rd ed-n. – Minneapolis et al., 1997.
14. Stearns P. N. European Society in Upheaval. Social History Since 1800. – London, 1970.

УДК 94(47).083:002.2

Т.И.Толчинская

ИСТОКИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕЧАТНЫХ ОРГАНОВ В МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье автор попытался обосновать точку зрения о том, что именно в начале XX века печать стала целенаправленно использоваться для формирования общественного мнения.

Ключевые слова: печать, общественное мнение, коммуникация, агитация, пропаганда, агентство печати, социально-политические условия.

T.I. Tolchinskaya

THE ORIGINS AND CIRCUMSTANCES OF TRANSFORMATION OF PRESS BODIES INTO A SINGLE MECHANISM OF PUBLIC OPINION FORMATION IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

In the article the author has tried to justify the point of view that it was in the early twentieth century that the press started to get used for the formation of public opinion.

Key words: the press, public opinion, communication, agitation, propaganda, press Agency, socio-political conditions.

В начале XX века, когда окончательно сложились печатные средства передачи информации, стала возможной идея массовой манипуляции читательской аудиторией. Информация стала не привилегией меньшинства, а бытовым содержанием широкой общественности. Таким образом, изменилась политическая коммуникация,

у которой появились новые средства, а соответственно, и цели. Массовая политическая коммуникация стала транслятором всей информационной среды общества, а средства массовой информации – важнейшим политическим инструментом.

Как показывает история развития отношений между властью и обществом, перед